

Надежда Нелидова

Рыбка по имени Ваня

МА-АСКВИЧ ПЕТЬКА

2 сентября учительница литературы Софья Эльмировна написала на доске тему сочинения: «Как я провёл каникулы». И стала ходить по рядам и спрашивать, кто о чём будет писать.

Петька сказал, что ездил с мамой и тётёй Юлей на три дня в Москву. Он знал, что Софья Эльмировна сейчас страшно изумится и всплеснёт руками. И таинственно скажет: «Представляете, ребятки, наш Петя ездил в Москву?!». И весь класс замычит: «Ы-ы-ы!». Хотя, например, Летицкая с папой летала на Маврикий.

Всё так и было. Софья Эльмировна округлила свои голубые глаза, и весь класс радостно загудел и во все глаза уставился на Петьку. Кто сидел впереди — повернулись, а Петькин сосед от восторга толкнул его в бок. Только с последних парт донёсся ехидный шёпот: «Подумаешь, ма-асквич!».

— Обязательно прочитаем твоё сочинение вслух, — пообещала Софья Эльмировна. — Смотри же, Пётр, не подведи.

И мама дома тоже сказала: «Смотри, Петушок, не осрамись, как в прошлый...» — тут

она запнулась и замолчала из педагогических соображений. Потому что Софья Эльмировна настрого запретила заострять внимание на прошлых ошибках, которые травмируют и занижают детскую самооценку.

Дома Петька вымыл руки с мылом, старательно скушал обед, погулял, чтобы набраться сил. Взял ручку, сел и задумался.

В Москве живёт мамина сестра тётя Оля. Сначала к ней собиралась погостить только мама. Но они с подругой, тётёй Юлей, весь вечер ругались на кухне и решили, что поедут вместе. «Ничего не поделаешь, — вздохнула мама, — придётся киндера тащить с собой».

Мама часто работала в ночную смену в медпункте («В медпункте», — говорил маленький Петька) и оставляла его с тётёй Юлей. От неё он узнал много новых вещей. Что его папа объелся груш, а Петькина мама — мать-одиночка. Но какая же она одиночка, если у неё есть Петька?!

Тётя Юля хотела курить и смотреть сериалы. А Петька хотел учиться плавать и чтобы его водили в бассейн. Но тётя Юля, которая всё знает, сказала, что одного маленького непослушного мальчика в бассейне засосало в сливное отверстие. Вот так взяло за ножку и засосало.

Теперь Петька на всю жизнь боится воды. В садике, когда их повели в лягушатник, он упал на

пол и закатил страшную истерику.

Летом вся группа раздевалась до трусиков, чтобы принять воздушные ванны. Один Петька вцеплялся в футболку, не давая её снять, и визжал как поросёнок. Потому что тётя Юля, стряхивая пепел, говорила, что прямые солнечные лучи — это кан-це-ро-ген в чистом виде. Из-за него маленькие непослушные мальчики заболевают раком.

Рак — это панцирное животное, о котором Петька знает из «Зоологии в картинках». Совершенно непонятно, как рак заводится в человеке, но он очень прожорлив и быстро растёт. И когда уже становится некуда, клешнями разрывает его изнутри и вылезает наружу, как инопланетный монстр в фильме «Чужой».

— Ты из Петьки сделала ходячую фобию, — говорит мама тёте Юле. — И-прекрати-наконец-курить-при-ребёнке!

* * *

Они чуть не опоздали на поезд, и всё из-за мамы, которая красила волосы. Ей не понравился «этот клоунский» цвет. Она глотала слёзы и заново перекрашивалась, хотя у подъезда уже ждало такси. Так и села с мокрыми волосами под косыночкой.

А тётя Юля без разрешения закурила в такси и сказала: «Всё принца ждёшь». И ещё одобрительно

сказала: «Правильно. Женщина всегда должна быть начеку, как Штирлиц. Вон, одна моя знакомая встретила с мужем в поезде».

На Петькиной маме был ярко-розовый спортивный костюм, и она была похожа на смешного, неповоротливого маленького плюшевого медвежонка. А тётя Юля — на большого неуклюжего голубого медведя.

Они еле успели на поезд. Сели в купе, отдышались и стали посматривать на пустое четвёртое сиденье. Но вошёл не принц, а худой сердитый старик. Он сразу высыпал из мешочка на столик лекарства и стал выколупывать таблетки. И заказал себе двойной чай и минералку без газа.

Петьку повели в туалет. Тётя Юля курила в окошко и рассказывала, что это ничего, одна её знакомая удачно вышла замуж за старика и теперь катается, как сыр в масле.

В купе мама с тётей Юлей сели играть в карты и позвали сердитого соседа. Он отказался.

За окном, не переставая, шло много грузовых поездов. Мелькали платформы с красивыми жёлтенькими брёвнами, и заляпаные, в блестящих подтёках, цистерны. На них было написано «нефть».

Старик глядел в окно и бурчал: «Везут и везут, воруют и воруют, тащат и тащат. Ворьё. Всю страну растащили — всё мало».

— Но ведь и нам что-то везут, — несмело возразила мама.

— Ага! — старик обрадовался и сразу прицепился к маме: — Конечно, везут. Ядерные отходы. И пальму в нефтяных цистернах, чтобы порожняком не гонять.

Петьке же сказал злорадно:

— А ты потом мороженое из этой пальмы ешь!

— Как вам не стыдно? Что вы такое говорите?! — возмутилась мама и прижала Петьку к себе, как будто защищала от злого ощерившегося старика.

Старик отвернулся к окну и снова забормотал своё. Петька долго представлял себе, как можно пальму запихнуть в цистерну? И потом сделать из неё мороженое? Она же мохнатая и деревянная: он в цветочном магазине видел!

И когда Петька уже засыпал, всё слышал, под стук колёс, скрипучее: «Везут и везут. Везут и везут. Везут и везут».

* * *

Их на перроне встречала тётя Оля. Они, все трое, в одно время визжали, прыгали как девчонки, говорили, плакали, смеялись и обнимались. «Сейчас тётя Оля скажет: «Пётр какой большой

вырос, прямо жених», — подумал Петька. Именно то самое она сказала. Очень скучные и предсказуемые эти взрослые.

На улице было жарко, а в метро гулял вкусный свежий ветерок.

На лесенке-чудесенке Петька встал ровно на середину резиновой ступеньки, зажмурился, вцепился в поручень и стоял, не шелохнувшись как миленький. Потому что тётя Юля рассказывала, что маленьких непослушных мальчиков затаскивают и наматывают на себя шестерёнки, которые крутят эскалатор.

В подземной, красиво завывающей электричке было классно! Петька узнал, что можно заплатить 35 рублей и кататься до ночи, и никто не спросит билета, не пристыдит и не выгонит! Стал просить маму и тётю, но они засмеялись и вытащили его наружу, на ослепительное солнце, духоту и жару.

Вокруг шумел мини-рынок, как будто они и не уезжали из посёлка. «Клубника!» — закричал Петька. У них она появится только через месяц. Но тётя Юля, которая всё знает, сказала, что ягоды держат в формалине, поэтому они такие свежие и красивые, и их нельзя есть. А тётя Оля засмеялась и купила всем молока и по большому лотку клубники.

Они вошли в четырёхэтажный кирпичный старый дом, тоже совсем как в Петькином посёлке.

Оказывается, такие дома есть и в центре Москве.

Потом все пили чай. Тётя Юля, которая всё знает, засекала время и сказала, что в Москве даже чайник быстрее закипает и не коптится. А у них в посёлке газ плохой, грязный и с воздухом, потому что деревне и так сойдёт. А в Москве жаркий, чистый и не воняет.

Тётя Оля засмеялась и сказала:

— Юлька-писюлька, ты ничуть не изменилась.

Они долго сидели на кухне и, перебивая друг друга, говорили разные скучные вещи. Потом, раскачиваясь, пели грустные песни. А Петьку уложили спать на диване. Его мягко качало, а колёса в ушах стучали: «Везут-и- везут, везут-и-везут, везут-и-везут».

Утром тётя Оля ушла на работу, а они поехали в Останкино. Когда там назвали цену входного билета, тётя Юля сказала: «Однако», — и осталась внизу читать журнал.

А Петька с мамой поехали в лифте на верхушку башни. Мама зажала ему уши и велела открыть рот. Потому что тётя Юля предупредила, что от быстрого подъёма у маленьких детей запросто лопаются барабанные перепонки.

Наверху была такая большая круглая, прозрачная веранда, и все фоткали. Сверху Москва оказалась очень зелёной. Деревья были похожи на

салат в бабушкином огороде. А домов в них почти не видно. Они походили на детали «лего», которые Петька однажды рассыпал в траве и находил потом всё лето.

И там был толстый стеклянный пол, который может выдержать целый танк. Один дядька начал прыгать и подмигнул Петьке: «Слабо?». И Петька тоже начал прыгать. Главное, не смотреть вниз.

А одна толстая тётенька посмотрела вниз и сразу села на корточки, а потом и вовсе встала на четвереньки. На ней было платье короткое, как на девочке, и оно задралось. Все смеялись и тянули к ней руки, чтобы помочь переползти по стеклу. А она пищала: «Ой, боюсь, боюсь!».

* * *

Потом они поехали в Третьяковку. Тётя Юля, которая всё знает, авторитетно сказала: «Здесь уже всё не настоящее. Ре-про-дук-ции! За что только деньги берут, народ дурят?».

А старушка, с брошкой на жакете, сказала: «Что вы выдумываете?».

Залам не было конца, они переходили друг в друга. Петька с тётями устали ходить и решили отдохнуть в буфете. Там на своём языке лопотали настоящие, живые иностранцы! А хохотали совсем по-нашему, по-русски. Они себе набрали полные

столы разной еды.

Тётя Юля увидела цену кофе и бутербродов с колбасой, и сказала: «Однако!».

Вернулись и сели на диванчик в центре зала. Мама вытащила из сумки влажные салфетки, бутылку холодного чая и коробку с морожеными блинчиками, с мясом и джемом. То есть они утром были мороженые, а сейчас как раз растаяли. На них все смотрели. Петька боялся, что старушки с брошками прогонят их, но ничего.

Мама сказала: «В греческом зале, в греческом зале!» — и они с тётёй Юлей начали фыркать, трястись и давиться от смеха, брызгая крошками. Хотя чего здесь смешного?! И эти женщины ещё учат Петьку, как вести себя в приличном обществе!

Петьке очень понравился перстень с красным мутным стеклом. Возможно, его носила княгиня Ольга, про которую читала мама. Под конец они ужасно замёрзли, тряслись как цуцики, и согрелись только на улице.

Всезнающая тётя Юля сказала, что здесь холодильный режим, чтобы картины не портились (как будто это колбаса!), и в следующий раз нужно прийти сюда в тёплых кофтах.

— Когда он ещё будет, следующий раз? — грустно сказала мама.

* * *

Назавтра они должны были заранее купить билеты домой и пойти в театр. В метро тётя Юля страшным голосом сказала: «Я оставила сумку у кассы. Там *всё*!».

И они побежали назад. Точнее, тётя Юля и мама бежали, а Петька летел между ними пушинкой по воздуху. Они задыхались и повторяли: «Только бы не паспорта! Только бы не паспорта!».

Тётиюлина сумка была на месте, её даже заботливо повесили на турникет, чтобы было издали видно. В ней аккуратно лежали документы и билеты на обратный поезд, и даже в театр. А денег не было.

Вот такой попался интеллигентный вор! Хотя мог бы психануть, потому что денег оставалось, по тётиюлиным словам, «шиш да немножко». Тётя Юля благодарно обратилась куда-то в воздух: «Дай Бог тебе здоровья, добрый человек».

Они в вокзальном туалете перевели дух и привели себя в порядок, потому что растрепались от бега и пережитого волнения. И Петьке намочили и прилизали набок волосики, чтобы не лохматились.

На радостях в вокзальном киоске на карманные деньги купили красно-синего робота-трансформера, о котором он давно мечтал. Мама хотела купить ему пломбир. Петька вспомнил про

пальму (мохнатую, с жестяными листьями), неизвестно как попадающую в мороженое — и вежливо отказался.

В театре сильно пахло пылью. В коридоре висели портреты артистов, которых показывают по телевизору. Тётя Юля ахала и стонала: «Ой, я не могу! Ой, Танечка! Ой, Наташенька!». И даже незаметно ладошкой гладила пол, по которому они ходили.

Проходя сквозь занавеси, Петька расчихался, у него аллергия на пыль. Зал был почти пустой. Билетёрша спросила: «Вы из провинции?». Она проводила их до кресел, прижимала руки к груди и всё время тревожно повторяла: «Вам очень повезло, что сейчас не сезон. А так у нас билетов не достать, всегда аншлаг».

Они сели в заднем ряду, потому что купили самые дешёвые билеты. Тётя Юля шепнула: «Когда погасят свет, перебежим ближе». Но тут подошла билетёрша и извиняющимся, и одновременно обиженным голосом шепнула: «Можете занять любые места. Но вы не подумайте, у нас всегда аншлаг, просто сейчас не сезон».

Спектакль назывался «Не будите спящую собаку». Петька всё ждал, когда выпустят собаку, злую, потому что её разбудили. Или хотя бы дяденька наденет маску, залает и зашаркает лапами, как на детском утреннике.

Но артисты всё говорили, ругались и даже стреляли, а никакой собаки не было. Петьку разбудило хлопанье в ладоши. Артисты улыбались и кланялись, им несли цветы. Самому молодому и красивому досталось пять хрустящих букетов.

Только одной артистке никто не дарил цветов. А она стояла и всё равно улыбалась, хотя глаза у неё были тёмные и грустные, как у собачки.

Тётя Юля шепнула маме:

— Вот в жизни вечно так. Всем людям как людям, а кому-то хрен на блюде.

— А можно ей подарить? — Петька показал трансформера.

Мама с Тётей Юлей переглянулись и улыбнулись. Хотя обычно тётя Юля Петьку шпыняет, что «мелкий, ты не борзей, деньги не с неба валяются, мать за двоих хрячит». Но сейчас она смолчала.

Петька храбро протопал к сцене и протянул грустной тётеньке трансформера. Она сразу повеселела. Петька увидел, что у неё много морщин, просто их не видно под кремом.

И все артисты расступились и с радостным удивлением хлопали этой женщине. А тот, у кого было пять букетов, — два отдал ей. Нагнул, подхватил Петьку под мышки и поставил рядом.

На сцене ещё больше пахло пылью, так что он чихал как заведённый. Зрители смеялись,

вытягивали шеи и ещё очень долго хлопали.

— Теперь она твою игрушку повесит на зеркале в гримёрной, — сказала тётя Юля. — И будет всем рассказывать, что это талисман, который ей подарил маленький мальчик из провинции.

Билетёрша их ждала между рядов и провожала до выхода. Она тискала руки перед грудью и повторяла: «Вам очень повезло, что были свободные места. А так у нас всегда аншлаг. Стулья в проходе ставим».

— Блин, достала, коза. Караулит, что ли? — сказала тётя Юля. — Прямо Червяков из Чехова.

— Просто она настоящая служительница Муз. Театр для неё — всё, — мечтательно сказала мама. — Может, ей уже девяносто лет. Наверно, она даже в войну здесь работала. Под бомбами.

— Не свисти. В войну все театры эвакуировались, — и они с мамой всю дорогу шли и препирались на скучную тему: «Уехал театр — не уехал театр».

На третий день они катались на трамвайчике по Москве-реке. В зоопарке кормили уток в грязном пруду. Им махал лапой белый мишка и жираф показывал голубой язык.

— Фу, какая мерзость. Похоже на... — и тётя Юля шепнула что-то маме на ухо.

— Кто о чём, а вшивый о бане, — сказала мама.

Петька и сам знал, чего шептаться: на язык зомби похоже, он по телевизору видел.

В дельфинарии мама с тётёй Юлей сфотографировались с белухой. Она вылетела из воды и клюнула маму в щёку мокрой резиновой мордой. Одна фотка стоила столько, что тётя Юля сказала: «Однако!».

А Петька не стал фотографироваться и очень за них боялся. Из «Зоологии в картинках» он знал, что косатки — это жестокие киты-убийцы и запросто могут утащить человека под воду.

А в мавзолее они не попали. Там был то ли санитарный день, то ли переучёт, то ли ремонт. Смешно: как в магазине или ЖЭКе.

Мама вспоминала, как бабушка и дедушка, совсем молодые, видели в мавзолее Ленина и Сталина, тогда они ещё лежали рядышком. Ленин был маленький, жёлтенький и ссохшийся. А Сталин — большой, полный и румяный, как живой.

*— Куда б ни шёл, ни ехал ты —
Но здесь остановись.
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись,*

— торжественно продекламировала тётя Юля. Они глядели издали на низенький тёмно-красный Мавзолей, похожий на не оштукатуренную печку в

деревне у бабушки. И сказала, что они этот стих учили в школе, и он посвящён Ленину.

А мама сказала, что вовсе не Ленину, а неизвестному солдату. И снова они всю дорогу спорили. А ещё ругают Петьку, что он упрямый.

Вечером у тётки Оли все полезли в Интернет. Оказалось, мама была права! Тётя Юля ужасно покраснела и заругалась.

* * *

Потом мама и тётки помирились. Снова долго сидели на кухне, пели песни и громко спорили: уезжал театр в войну или нет.

Утром тётя Оля на перроне плакала и тормозила Петьку. И предсказуемо приговаривала: «Ах, жених! Ну и жених!».

В вагоне тётя Юля сразу полезла на верхнюю полку, сказав, что с неё хватит, и она устала как собака.

— Как спящая собака? — вспомнил Петька.

— Спящая, спящая, — подтвердила она. — Разбудите — загрызу.

Повернулась попой и громко засопела.

А маме было не до сна. В купе ехал дядька и клеился к ней. Они смотрели в окно и пили пахучую газировку прямо из чёрных бутылок. Петька тоже хотел газировку, но его щёлкнули по

носу и сказали, что она горькая.

Так бы и сказали, что это пиво. Однажды большие пацаны угощали его за школой, из алюминиевой баночки. Ужасная шняга, Петька всё плевался, а пацаны ржали.

Потом стемнело. Только дядька сидел у мамы в ногах и, наклонившись, что-то шептал, а мама хихикала.

— У вас одеяло сползло. Давайте я укутаю, как следует, — и дядька начал возиться, поправляя чего-то, и громко задышал. И тут же ойкнул, схватился за штаны и ужасно заругался, потому что мама ка-ак двинет его ногой.

— Так его, в яблочко! — сонно подсказала тётя Юля со своей полки. Противный дядька зло сказал: «Да пошли вы!» — и похромал в коридор, хлопнув дверью. Он держался за гульфик и шипел сквозь зубы.

Однажды Петька катался на велике и нечаянно заехал на картофельные рядки. Слетел с сиденья и долго скакал на раме. Его потом тётя Юля водила к врачу смотреть, всё ли в порядке с «бубенчиком». Так что Петька хорошо знал, что сейчас чувствует дядька. Так ему и надо, ничутью не жалко.

А смешливая мама на своей полке под одеялом всё тряслась и вздрагивала от смеха, и не могла остановиться. Такая хохотушка, ужас. Петька

тихонько отогнул одеяло и потрогал её лицо. Оно было мокрое.

* * *

Петька закрывает глаза и видит своего красно-синего робота. Он прицеплен за ниточку к зеркалу, освещённому настольными лампами. Потом зеркало и лампы, и трансформер начинают качаться и дрожать от глухих взрывов наверху. Воеет сирена. Слышится жестяной голос: «Граждане, воздушная тревога!».

Билетёрша, с брошкой на телогрейке, замотанная в платок, наклоняется и говорит: «У нас всегда аншлаг. Просто сейчас не сезон, сами понимаете. Война».

— Ты смотри, два часа сидел и ни строчки не написал! Поросёнок такой! Снова двойку принесёт!

Петьку раздевают, переносят на кровать, чмокают в макушку и укутывают. Он засыпает.